

Тимофеева Елизавета Дмитриевна

НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
elizaveta084@gmail.com

Н. С. Гумилев — переводчик и редактор сборника «Роберт Саути. Баллады» издательства «Всемирная литература»

Для цитирования: Тимофеева Е. Д. Н. С. Гумилев — переводчик и редактор сборника «Роберт Саути. Баллады» издательства «Всемирная литература». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (1): 141–155. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.111>

Статья посвящена сборнику «Роберт Саути. Баллады», выпущенному издательством «Всемирная литература» в 1922 г., и роли Н. С. Гумилева как редактора и переводчика этого сборника. Рассматриваются источники баллад Саути как на английском языке (выявить этот источник помогла издательская ошибка, приписавшая поэту чужое произведение), так и источники существовавших к началу работы над сборником переводов его произведений на русский язык (определить их стало возможно благодаря недавно появившейся описи библиотеки Гумилева и анализу написанной им вступительной статьи). Более важным представляется анализ образа Саути, созданный в рассматриваемом сборнике. Для английских читателей Саути был в первую очередь автором исторических поэм, однако в русскую литературу он вошел как балладник, причиной чего стала деятельность первого и главного его переводчика — В. А. Жуковского. Отмеченную во вступительной статье важность Жуковского для восприятия Саути в России Гумилев подтверждает самим сборником и не в последнюю очередь — выбором репрезентирующего жанра. Из восемнадцати баллад сборника треть связана с именем Жуковского: четыре переведены им как отдельные произведения («Доника», «Адельстан», «Суд божий над епископом» и «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди»), две были переведены гекзаметром и включены в состав повести «Две были и еще одна» (в сборник они вошли под названиями «Мэри, девушка с постоялого двора» и «Гаспар»). О значительной роли Жуковского говорит и то, что Гумилев не отказался от включения в сборник его переводов, несмотря на конфликты с контролировавшим процесс М. Горьким, а также выбрал для собственного перевода автопародию Саути на одну из самых известных русскому читателю баллад.

Ключевые слова: Н. Гумилев, английский романтизм, международные литературные связи, художественный перевод, литературная традиция, компаративистика, издательство *Всемирная литература*.

Недолгое существование основанного в 1919 г. в Петрограде издательства «Всемирная литература», намеревавшегося издать и переиздать произведения лучших авторов XVIII–XX вв. и одновременно поддержать оказавшихся в стесненных условиях литераторов, — хорошо изученный фрагмент истории русской литера-

туры первых послереволюционных лет¹. Хорошо известно и то, что осуществлена была только малая часть этих планов. Одним из завершенных выпусков (№ 50) стал сборник «Роберт Саути. Баллады», вышедший в 1922 г. и объединивший как уже существовавшие к тому моменту переводы В. А. Жуковского («Доника», «Адельстан», «Суд божий над епископом» и «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди»²), А. Н. Плещеева («Бленгеймский бой»), Ф. Б. Миллера («Ингкапский риф»), так и выполненные специально для сборника переводы Н. С. Гумилева и его учеников: Вс. А. Рождественского, Н. А. Оцупа, Д. Л. Майзельса и Г. В. Адамовича.

До сих пор этот сборник не становился предметом пристального внимания (что, впрочем, весьма характерно для Р. Саути в России): исследователи рассматривали отдельные баллады и проверяли близость их подлиннику.

В настоящей статье мы не будем рассматривать ни историю читательского интереса к этому собранию переводов Саути³, ни принятые в издательстве принципы литературных переводов, поскольку последние весьма подробно были описаны Ф. Лаццарин [Лаццарин 2012: 163–178]. Заметим только, что в целом их можно охарактеризовать известными «девятью заповедями переводчика», сформулированными Гумилевым в докладе, прочитанном в 1919 г. во «Всемирной литературе» и опубликованном в том же году в брошюре «Принципы художественного перевода» [Гумилев 1991: 28–33].

Понимая перспективность компаративного анализа сборника «Роберт Саути. Баллады» (как сравнения его с другими завершенными проектами «Всемирной литературы», так и изучения особенностей русской литературы в 20-х гг. XX в. в европейском контексте), в настоящей статье мы остановимся исключительно на анализе самого издания. Нас будет интересовать отбор текстов, композиция сборника и использованные источники.

Несмотря на то что в конце сборника приведена библиография вышедших к тому моменту работ о Саути и публикаций его произведений на русском языке, анализ его позволяет понять, что список этот имеет к сборнику весьма отдаленное отношение. Поиск настоящих его источников осложнен весьма ограниченным количеством сохранившихся протоколов заседаний редколлегии и документов, отражающих процесс работы над книгами. Это же относится и к обширной библиотеке Гумилева, лишь малая часть которой дошла до нас [Филичева 2017]. Впрочем, некоторые из источников выявить все-таки возможно.

Найти англоязычное издание текстов Саути, с которым работали переводчики «Всемирной литературы», получилось благодаря неверно атрибутированному авторству одного из текстов: из восемнадцати баллад сборника Саути принадлежат

¹ См., например, одну из последних работ, посвященную издательству «Всемирная литература», где собрана подробная библиография по этому вопросу: Lazzarin F. Il libro e il caos. La casa editrice Vsemirnaja Literatura (1918–1924) tra le luci e le ombre di Pietrogrado.

² Далее в статье мы будем использовать уже закрепившееся в научной традиции сокращенное наименование этой баллады: «Старушка».

³ Отметим только, что со стороны критиков сборник почти не получил внимания: единственная рецензия вышла в 1922 г.: «Лучшие русские переводы баллад Саути — самые старые, принадлежащие его современнику Жуковскому. Очень удачны старательные переводы Всев. Рождественского. Слишком много тяжелых, неуклюжих стихов в переводе “Дон Жуана Нуальберто” (Н. Оцупа)» [Лернер 1922: 72].

только семнадцать: баллада «Призрак» («The Spirit») приписывается Саути ошибочно. Впервые отметивший этот факт в русскоязычной литературе переводчик и редактор билингвального сборника баллад английского поэта Е. В. Витковский заметил, что упомянутый текст отсутствует в полном собрании сочинений Саути, и указал на настоящего его автора — издателя и поэта Джозефа Коттла [Витковский 2006: 544].

История этой ошибки восходит к первой публикации баллады в 1799 г. в сборнике под редакцией Саути “The Annual Antology”, куда входили поэтические произведения, опубликованные как под настоящими именами авторов, так и под псевдонимами, где “The Spirit” была подписана псевдонимом “Citelto”⁴. В число произведений Саути баллада была включена в сборнике “Joan of Arc and Minor Poems by Robert Southey”, опубликованном в 1854 г. в издательстве “Routledge”⁵ в серии “Routledge’s British Poets”, где также выходили собрания произведений Г. Спенсера, Г. Лонгфелло, А. Поупа, Д. Г. Байрона и пр.

Стоит отметить, что у составителей сборника в издательстве “Routledge” были основания приписать “The Spirit” Саути: в тексте встречаются характерный для его баллад дольник [Tarlinskaja 1995: 493–522] и свойственный им ироничный сюжет (напуганный историей о призраках, обитающих рядом с виселицей, путешественник принимает за потустороннее существо преследующую его серую кобылу). Не менее важную роль сыграли специфика сборника и отношение Саути к опубликованным в нем собственным произведениям: многие из них были напечатаны в нем впервые и позже не переиздавались.

Поскольку баллада “The Spirit” включена в число произведений Саути только в изданиях “Routledge”, мы полагаем, что один из этих сборников и стал источником текстов английского поэта для переводчиков «Всемирной литературы». В эти сборники входили не только все переведенные баллады⁶, но и те, которые сотрудники издательства изначально планировали включить в сборник, но впоследствии отказались⁷. Отметим также, что «Старушка» сопровождается подзаголовком «Переложение истории, рассказанной Оласом Магнусом». Уточнение это впервые появляется именно в сборнике «Всемирной литературы» и представляет собой точный перевод аналогичного фрагмента “A Ballad, Shewing How an Old Woman Rode Double, and Who Rode Before Her”: “From a Story Related by Olaus Magnus” в изданиях “Routledge”⁸.

Переводы Жуковского Гумилев брал из сборника «Баллады» (2-е изд., испр. и доп. И. Глазуновым, 1907 г.), сохранившегося в его библиотеке. В книгу был вло-

⁴ В 1948 г. Кеннет Карри, изучив копии сборника, принадлежавшие Саути и Кольриджу, расшифровал почти все псевдонимы, включая «Citelto» [Curry 1948: 51].

⁵ Переиздания — 1857, 1858, 1866 и 1894 гг. с незначительными изменениями в заглавии: второе издание называлось “Joan of Arc, Ballads, Lyrics and Minor Poems by Robert Southey, author of “Thalaba”, “Madoc”, etc.”; следующее — “Minor poems, ballads and Joan of Arc by Robert Southey, author of “Thalaba”, “Curse of Kehama”, etc., etc.” и пр., вступительная статья и иллюстрации Джона Гилберта перепечатывались без изменений.

⁶ Единственное исключение — баллада «Ингкапский риф», которая не входила в эти сборники, однако нашу теорию это не опровергает: для «Всемирной литературы» был использован перевод, выполненный Ф. Миллером в середине XIX в.

⁷ Баллада “The Destruction of Jerusalem”, см. об этом ниже.

⁸ Вероятно, Гумилев мог купить один из сборников издательства “Routledge” в Англии, куда он был командирован в 1918 г. по военным делам и где он совершенствовал свой английский язык.

жен листок с записью «Саути переписать», в содержании буквой «С» были отмечены⁹ следующие баллады: «Суд Божий над епископом», «Адельстан», «Варвик», «Королева Урака и пять мучеников», «Доника», «Баллада (Подражание Саути)»¹⁰, что справедливо позволяет В. Филичевой связать эти заметки с работой Гумилева над сборником для «Всемирной литературы» [Филичева 2017].

Еще один вероятный источник Гумилева объединяет два перевода баллад Саути середины XIX в.: в сборнике «Английские поэты в биографиях и образцах» под редакцией Н. В. Гербеля (1875) были опубликованы и «Бленгеймский бой» в переводе Плещеева (впервые — № 4 «Вестника Европы» за 1871 г.), и «Ингкапский риф» Миллера¹¹.

В сборнике издательства “Routledge” и «Английских поэтах» Гербеля баллады Саути сопровождались статьями, которые, как нетрудно заметить, послужили источниками для предисловия Гумилева к сборнику. До сих пор не удавалось определить источник, из которого Гумилев позаимствовал описание Саути как плодовитого, но малоизвестного публике литератора, причиной чему служило сопровождавшее цитату указание на некоего «английского историка литературы» [Гумилев 2006: 219] как на автора. В действительности эта характеристика появилась в статье о Саути в сборнике Гербеля. Ср. у Гумилева: «Не было ни одного поэта, который бы писал так хорошо и много и в то же время был так неизвестен публике» [Гумилев 2006: 219] с финалом статьи в антологии: «Едва ли в истории английской поэзии найдется другой поэт, который бы писал так много и так хорошо и, вместе с тем, был так мало популярен» [Поэты 1875: 222].

Вторым и более важным источником предисловия Гумилева мы считаем статью о Саути в сборнике издательства “Routledge”, откуда он позаимствовал несколько фактов ранней биографии поэта. Эта статья расходится в некоторых деталях с текстом Гербеля, и в подобных ситуациях Гумилев явно отдает предпочтение английскому источнику. Например, у Гербеля указано, что воспитанием Саути занимался его дядя, в статье из сборника “Routledge” эта роль отведена его тетке со стороны матери, мисс Тейлор, что, включая имя, переходит в предисловие Гумилева. Из этого же источника он взял сведения о влиянии этой родственницы Саути на раннее его знакомство с миром искусства и часто посещавшими дом актерами (ср.: “She appears to have had a great passion for theatres and actors, and as the Bristol stage was frequently honoured by visits of the great actors of the day, they became visitors at Miss Tyler’s” [Southey 1854: V] — «Воспитанием своим он обязан тетке со стороны матери, мисс Тайлер, в доме которой он пристрастился к чтению и познакомился с искусством, благодаря частым встречам с местными актерами» [Гумилев 2006: 219]), а также информацию о скромном материальном положении отца поэта (ср. «отец его занимался торговлей» [Гербель 1875: 221] — «Родился... в семье небогатого торговца мануфактурой» [Гумилев 2006: 219] и “was unsuccessful in trade” [Southey 1854, p. V]), исключении Саути из школы за статью в студенческом журнале (“Was dismissed for contributing a sarcastic article

⁹ Сначала была отмечена баллада «Уллин и его дочь», но позже отметка была снята. Вероятно, причиной выделения этого текста стало фабульное его сходство с балладой Саути «Скала любовников», варьирующей тот же расхожий романтический сюжет, отраженный, например, и в балладе Й. Эйхендорфа «Сторожевая башня».

¹⁰ Под этим заглавием в сборник вошла «Старушка».

¹¹ Как известно, антологии Гербеля входили в круг чтения Гумилева с ранних его лет. См. об этом: [Лукницкий 2010: 41].

on corporal punishment” [Southey1854: VI] — «Он был исключен из средней школы за резкую статью о системе воспитания» [Гумилев 2006: 219]), знакомстве с Кольриджем и их плане побега в Америку и создания там нового государства (“...they formed a plan <...> to establish a pantisocratical society on the banks of Ohio, and there in the New World establish a community on a thoroughly social basis. <...> In this *poetical* paradise they were to live without eather kings or priests, or any of the other evils of the Old World society” [Southey 1854: VIII] — «Оба юноши, увлекавшиеся Французской Революцией, затеяли устроить в Америке социалистическую республику, где бы первое место было отведено поэтам» [Гумилев 2006: 219]). Последним фактом очень краткой биографии Саути во вступительной статье становится назначение его на роль поэта-лауреата. Нетрудно заметить, что из этих статей Гумилев позаимствовал только факты, существенно изменив характер их описания.

В конце сборника приводится библиография имеющейся к тому времени литературы о жизни и творчестве Саути:

На русском языке о Саути имеется только статья Маколея (о «Беседах» Саути — «Сочинениях» Маколея, Спб., 1860. Т.1) и статья Г.Брандеса (в его «Литературе XIX века»: Английская литература — М., 1893 г.).

В серии «Иностранные поэты», изд. Общества распространения полезных книг, один выпуск посвящен Роберту Саути (М., 1901) [Саути 1922: 110].

Статья Гербеля не упоминается в этом перечне, однако обращение к ней представляется несомненным. Кроме того, при работе над собственным текстом Гумилев едва ли мог опираться на приведенные в этом списке источники: в обоих Саути представлен как посредственный поэт, заслуживший внимание публики преимущественно как недруг Байрона, ни биографии его, ни поэтике внимания почти не уделяется.

Мы полагаем, что для включения статей Маколея и Брандеса в библиографию возможно только одно объяснение: составлена она была не самим Гумилевым, а одним из сотрудников «Всемирной литературы» непосредственно перед публикацией сборника, происходившей во вполне понятной спешке, чем, вероятно, объясняется и небрежность получившегося издания¹².

Вторая часть предисловия посвящена концепции сборника и описанию творчества Саути, обратившего внимание «на правду историческую и бытовую» и обогатившего литературу «мудрой простотой» народной поэзии [Гумилев 2006: 220]. Перед тем как остановиться подробнее на этом вопросе, мы считаем нужным обратить внимание на важную для этой концепции деталь: в первом же абзаце своей статьи Гумилев называет имя поэта, благодаря которому для русского читателя «имя Саути гораздо известнее, чем у него на родине» [Гумилев 2006: 219]. Дей-

¹² Один из источников явно указан с ошибкой: монография Брандеса «Литература XIX века в ее главнейших течениях. Английская литература» была опубликована в 1898 г. в Санкт-Петербурге, а в Москве 1893 г. был напечатан только сборник прочитанных им лекций, в том числе о Саути, которая, видимо, имеется здесь в виду. Неточности остались и в текстах некоторых баллад: в девятой строфе «Предостережения хирурга» последняя строка дублирует финальную строку предыдущей, восьмой строфы («Старался я для вас когда-то»), нарушая и ритмическое, и семантическое единство [Витковский 2006: 544]. В рукописной версии баллады, сохранившейся в фонде Гумилева в РГАЛИ, последняя строка девятой строфы выглядит иначе: «Сердца, добытые в могиле» [Переводы]. Очевидная опечатка осталась также в первой строфе баллады «Бленгеймский бой»: «с братишком маленьким своим».

ствительно, в истории русской литературы сложно найти другого поэта, который настолько воспринимается «при свете Жуковского», как Саути.

Напомним, что устойчивый интерес Жуковского к поэзии Саути не сразу встретил понимание его коллег-литераторов, однако уже к началу XX в. переводы его баллад становятся важной частью русской литературы и переходят в разряд чтения для детей. Жуковский легитимизировал не только баллады как род поэзии, но и Саути как мастера этого жанра, и потому именно благодаря усилиям переводчика английский поэт-лауреат стал для русского читателя исключительно балладником¹³, каковую традицию и продолжил сборник «Всемирной литературы».

Разумно предположить, что включение в сборник баллад Жуковского как первого и главного переводчика Саути, сформировавшего его восприятие в России, для Гумилева было очень важным, однако согласны с этим были не все. Споры, сопровождавшие работу, известны благодаря дневнику К. И. Чуковского:

28 октября. На заседании Всемирной литературы произошел смешной эпизод. Гумилев приготовил для народного издания Саути — и вдруг Горький заявил, что от туда надо изъять... все переводы Жуковского, которые рядом с переводами Гумилева страшно теряют! Блок пришел в священный ужас, я визжал — я говорил, что мои дети читают Варвика и Гаттона¹⁴ с восторгом. Горький стоял на своем. По-моему, его представление о народе — неверное. Народ отличит хорошее от дурного — сам, а если не отличит, тем хуже для него. Но мы не должны прятать от него Жуковского и подсовывать ему Гумилева [Чуковский 2013: 258].

Подробнее характер претензий М. Горького к переводам Жуковского отражен в письме Чуковскому, написанном примерно в это же время:

«Завещание хирурга» требует примечаний, — необходимо рассказать о воровстве трупов для целей анатомии и вообще науки.

Переводы Жуковского тяжелы и скучны даже рядом с Плещеевым и Миллером, не говоря о работе Рождественского. Полагаю, что лучше эти переводы изъять.

«Разрушение Иерусалима»¹⁵ и все другие баллады исторического характера обязательно требуют пояснений.

Из Жуковского можно взять только «Суд над епископом» [Переписка 1994: 102–103].

Причину столь ярко выраженной нелюбви мы предлагаем искать в концепции истории литературы Горького, задуманной в 1907 г. и осуществленной в 1908–1909 гг. Если судить по высказываниям на заседании редколлегии «Всемирной литературы», мнение его о Жуковском за это время не изменилось, и потому данную

¹³ Приведенные выше подзаголовки сборников Саути в издательстве “Routledge” показывают, что английскому читателю он был известен скорее как автор эпических поэм.

¹⁴ Имеется в виду баллада «Суд божий над епископом», чаще остальных входившая в детские хрестоматии [Хрестоматийные тексты]. Кроме того, в сохранившемся в РГАЛИ плане сборника рассказов и стихотворений под заголовком «Детский сборник», который готовил Гумилев (ни год, ни издательство не указаны), это произведение указано первым в списке в разделе «Средневековье»: «Суд Божий над епископом Саути 3 стр.». (Н. С. Гумилев — План сборника рассказов и стихотворений // РГАЛИ. Ф. 147 (Н. С. Гумилев). Оп. 1. Ед. хр. 37.)

¹⁵ Баллада не вошла в сборник.

им в конце 1900-х гг. характеристику русского балладника можно объяснить его конфликтом с Гумилевым и Чуковским.

В своей «Истории русской литературы» Горький называл Жуковского приверженцем «пассивного романтизма» [Горький 1939: 54], из-за которого русская литература, всегда заимствовавшая в Европе все новое, усвоила в том числе худшие черты немецкого и английского романтизма, бессмысленного в его пустой мечтательности и далекого от интересов народа, и обвинял его в склонности к переводу «всего, что попадет под руку, лишь бы было красиво сказано, лишь бы ярко блестя[ело]» [Горький 1939: 60]. Упоминает Горький и баллады Саути:

Перевод[ит] «Суд божий над епис[копом] Гатт[оном]», целый ряд превосходных произведений, которые, вероятно, никогда не будут забыты и которые мы должны признать стоящими вне психики Жуков[ского], вне рамок его основного настроения.

А рядом с этими образцами истинной и бессмертной поэзии он же переводит баллады, наполненные чертами, привидениями и смешными ужасами, вроде «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди», и где встречаются <...> уродства в стихах [Горький 1939: 61].

Горький не перечисляет удачные, на его взгляд, переводы Жуковского, но, очевидно, относит к ним «Суд божий над епископом», который и через 15 лет будет считать достойным включения в сборник. Упомянутая рядом с этой балладой «Старушка», очевидно, вызывала его крайнюю неприязнь. Вероятно, одной из уступок Гумилева Горькому и попыткой смягчить недовольство последнего «балладными ужасами» стал выбор редактором сборника единственной баллады для собственного перевода, автопародии Саути на “A Ballad, Shewing How an Old Woman Rode Double, and Who Rode Before Her” — “The Surgeon’s Warning”.

Переводы Жуковского в конечном итоге были включены в сборник. Очевидно, во многом это было оправдано здравым смыслом — без этих текстов сборник не состоялся бы: готовых материалов не хватило бы, а поскольку издательство находилось в стесненных обстоятельствах, то не могло позволить себе заказать большое количество новых переводов¹⁶. Кроме того, едва ли сам Гумилев согласился бы с мнением Горького, утверждавшего, что переводы Жуковского проигрывают работам Миллера и Плещеева. «Бленгеймский бой» последнего, например, достаточно далек от подлинника даже по сравнению со считавшимися вольными переводами Жуковского.

It was a summer evening;
Old Kaspar’s work was done [Southey 1854: 327].

Ср. с переводом:

Прохладный вечер наступил,
Сменив палящий зной [Саути 1922: 42].

¹⁶ Конфликт Гумилева и Горького в скором времени был исчерпан: «Вопрос о Жуковском кончился очень забавно: Гумилев поспорил с Горьким о Жуковском — и ждал, что Горький прогонит его, а Горький поручил Гумилеву редактировать Жуковского для Гржебина» [Чуковский 2013: 260].

Завершение героем работы Плещеев заменяет сменой дня «прохладным вечером», отсутствующим в балладе. Он исключает имена героев: деда, рассказывающего детям о битве (в подлиннике — Old Kaspar, у Плещеева — «седой старик», «старик» и «дед»), и его внуков (Wilhelmine и Peterkin) и достаточно сильно меняет стиль повествования. Саути отводит описанию боя восемь строф, каждую из которых завершает краткой характеристикой битвы: в двух она названа «великой» (“great”), в пяти — «знаменитой» (“famous”). На этом рефрене и основан комический эффект баллады: старый Каспар не может объяснить, из-за чего произошло сражение, которое он раз за разом называет знаменитым. В переводе задающий тон рассказу повтор не сохранен. Отметим также, что в балладе Плещеева герой скорее гордится победой, о которой ничего не знает, и раздражается, когда внуки начинают сомневаться в справедливости его слов: «Молчи! Гордиться вся страна / Победой славною должна» [Саути 1922: 44], «Молчи, несносный дуралей!» [Саути 1922: 44]. Ср. у Саути: “Nay, nay, my little girl” [Southey 1854: 328] и “Why, that I cannot tell” [Southey 1854: 329].

Не считая возможным давать оценочные характеристики балладе Плещеева, заметим все же, что настаивающий на точности художественных переводов Гумилев едва ли относил ее к числу несомненных удач, однако в напряженных условиях, в которых проходила работа над сборником, он не мог позволить себе исключить ни одного готового текста. Впрочем, не все баллады Саути, переведенные Жуковским, вошли в сборник: два перевода из шести, «Варвик» (“Lord William”) и «Королева Урака и пять мучеников» (“Queen Orraca and the five Martyrs of Morocco”), были исключены, в чем также можно увидеть уступку Горькому.

Композиция сборника, по всей вероятности, была определена самим Гумилевым. Общее хронологическое направление сохранено (переводы Жуковского — переводы второй половины XIX в. — переводы, выполненные специально для «Всемирной литературы»), хронология внутри первых двух условных разделов подчинена определенной логике. Сборник открывает «Предостережение хирурга» в переводе Гумилева¹⁷, за которым помещены переводы Жуковского, расположенные не в хронологическом порядке (1831, 1814, 1831, 1815), а по прояснению мотива преступления и наказания за него: в первых двух балладах причина преступления неясна, в последних — дано подробное описание прегрешения, за которое следует расплата¹⁸. Завершает ряд переводов Жуковского «Старушка» и тем самым образует в некотором роде рамочную композицию условного первого раздела: переводы Жуковского обрамляются дублетными балладами Саути, «Предостережение хирурга» и «Старушка». Затем следуют переводы второй половины XIX в. и переведенные в XX в. баллады, сгруппированные исключительно по переводчикам.

Напоминает о Жуковском также и работа с переводом заглавия “A Ballad of a Yong Man That Would Read Unlawful Books and How he Was Punished”, которая в переводе становится «Балладой о молодом человеке, который хотел читать законо-

¹⁷ Еще одна уступка Горькому и попытка снизить «балладные ужасы» переводов Жуковского.

¹⁸ В балладе «Доника» в героиню вселяется дух по оставшейся читателю неведомой причине. В балладе «Адельстан» рыцарь, выполняя загадочную сделку с нечистой силой, собирается принести в жертву своего ребенка. В «Суде божьем над епископом» подробно описано преступление Гаттона, который пообещал накормить бедняков в неурожайный год, собрал их в одном сарае и сжег. Старушка из одноименной баллады, занимавшаяся черной магией, сама описывает свои грехи.

противные книги, и о том, что из этого вышло». В заголовке своей баллады Саути пересказывает сюжет: указывает, что герой будет наказан за желание читать «богопротивные книги», и обещает рассказать, как именно. В переводе названия эта определенность заменяется расплывчатым «что из этого вышло», что напоминает о полном названии «Старушки» в переводе Жуковского и сохраняет загадку. Этот же прием будет вновь использован при переводе заглавия “St. Michael’s Chair and Who Sat There”: в начало будет добавлено слово «баллада», которое тем самым переведет заголовок из описания предмета, вокруг которого строится повествование, в его синопсис. Кроме того, такой заголовок роднит этот текст с названными выше и встраивает его в образовавшийся ряд произведений о взаимодействии человека с потусторонними силами разной природы.

В некоторых балладах сборника можно увидеть и другие важные для Жуковского мотивные комплексы: в «Скале любовников», например, присутствует не только фабульное сходство с переведенной им балладой «Уллин и его дочь» Т.Кэмпбелла, но и сюжет о влюбленных, чувство которых оказывается сильнее любых препятствий, включая смерть — частый сюжет ранних баллад Жуковского («Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Эолова арфа»). Баллада «Дон-Жуан Гуальберто» напоминает о важном для Жуковского 30-х гг. мотиве прощения к раскаявшимся грешникам.

«Предостережение хирурга» (автопародия Саути на собственную «Старушку», где место дьявола, пришедшего за душой своей слуги, занимают ученики хирурга, похищающие его тело для опытов), «Святой Ромуальд» (признанный при жизни святым Ромуальд убегает от деревенских жителей, задумавших задушить его, чтобы оставить в деревне его мощи) и «Баллада о молодом человеке, который хотел читать законопротивные книги, и о том, что из этого вышло» (дьявол убивает случайно вызвавшего его юношу) — гиньольные баллады с черным юмором. Несмотря на то что Жуковский не перевел бы ни один из этих текстов (хотя и думал о работе над последним), он очень хорошо понимал юмористическую основу жанра и отразил ее в «Громобое», «Старушке» и собственных шуточных описаниях последней («Во вторник ввечеру / Я буду, если не умру / Иль не поссорюсь с Аполлоном, / Читать вам погребальным тоном, / Как ведьму черт унес, / И напугаю вас до слез» [Жуковский 2008: 306]). Как заметил современный исследователь, «баллада, даже самая страшная и серьезная, позволяет иронию, шутку. Баллада помнит о том, что она “баллада”, что она “игрушка”» [Немзер 1987: 165].

Отметим, что для сборника были заново переведены баллады “Jaspar” и “Mary, the Maid of Inn”, также связанные в восприятии русского читателя с Жуковским: он переложил их гекзаметром и включил в состав повести «Две были и еще одна» (1831) вместе с прозаическим рассказом Гебеля “Kannitverstan”. Таким образом, абсолютное большинство баллад рассматриваемого сборника прямым или косвенным образом связано с именем Жуковского и его творчеством.

При работе над сборником Гумилев учитывал сделанное его предшественником и во многом ориентировался на него, что хорошо видно и по его собственному переводу баллады Саути “The Surgeon’s Warning”.

«Предостережение хирурга» уже привлекало внимание исследователей, однако еще не было встроено в традицию переводов Саути. Впрочем, это закономерно: как было отмечено выше, внимание русских исследователей к Саути ограничивалось

преимущественно анализом отдельных переводов его баллад Жуковским. Попытку системного подхода к переводам Саути на русский язык предприняла Г. Подольская в монографии 1998 г., но не сформулировала хоть сколько-нибудь внятных выводов. В 2000-х к Саути обратились исследователи Д. Н. Жаткин и А. А. Рябова, результатом чего стало несколько статей, посвященных преимущественно отдельным балладам, реже — нескольким переводам одного автора. Однако в рассуждениях своих они следуют за Подольской (иногда — почти дословно¹⁹) и делают еще меньше выводов, чем она. Упомянутые современные исследователи подробно сопоставляли перевод Гумилева с подлинником [Подольская 1998: 82–115; Жаткин, Рябова 2007: 74–81], но никто из них не сравнивал «Предостережение хирурга» и «Старушку», что представляется явным упущением.

И Жуковский, и Гумилев были не только переводчиками, но и теоретиками перевода. Редкий разговор о художественном переводе обходится без хрестоматийной цитаты из статьи Жуковского «О басне и баснях Крылова» о «рабе» — переводчике прозы и «сопернике» — переводчике поэзии. По мнению поэта, главная задача художественного перевода — передать смысл и красоту подлинника с помощью любых средств родного языка, которые могут ему понадобиться [Жуковский 1960: 410]. Правила Гумилева, шутливо названные им «заповедями», напротив, требуют максимально близкого следования за оригиналом и сохранения числа строк, метра и размера, чередования рифм, характера enjambement, характера рифм, характера словаря, типа сравнений, особых приемов, переходов тона [Гумилев 1991: 33]. Разумно было бы предположить, что при выборе “The Surgeon’s Warning” Гумилев мог поставить перед собой в том числе и полемическую задачу — перевести балладу как можно ближе к подлиннику, чтобы наглядно показать отличие школы «Всемирной литературы» от чрезмерно вольной традиции XIX в. «Предостережение хирурга» — очень подробная автопародия: некоторые строки двух текстов отличаются одним-двумя словами или совпадают полностью, а потому этот материал идеально подошел бы для переводческого состязания. Впрочем, если Гумилев и ставил перед собой такую цель, ему не удалось достичь ее в полной мере.

Тонический стих баллад Саути современные исследователи ошибочно называют чередованием 4- и 3-стопного ямба [Подольская 1998: 91; Жаткин, Рябова 2007: 77], в то время как правильное его наименование [см.: Tarlinskaja] позволяет выявить сходство Гумилева с Жуковским: чередование 4- и 3-ударного дольника Саути Гумилев, как и Жуковский, меняет на чередование 5- и 4-стопного ямба с чередованием женских и мужских рифм. Напомним, что к началу 20-х гг. тоническое стихосложение уже продолжительное время было важной составляющей литературного процесса: продолживший эксперименты модернистов с тоническим стихом Блок ввел в широкое употребление дольник [Гаспаров 1997: 460–462], который позже приобрел широкую популярность среди акмеистов. Гумилев и сам неоднократно обращался к этому размеру [Гаспаров 1997: 461], и потому отказ от исполь-

¹⁹ Например, чтобы объяснить пропуск Гумилевым одной из строф баллады Саути (“The sock he sew, sock-a-doodle-doo!”), они используют гипотезу Подольской о нелюбви поэта к звукоподражаниям, не ссылаясь на нее [Подольская 1998: 88–89; Жаткин, Рябова 2007: 76]. Предложим свое объяснение: в сборниках Рутледжа, один из которых, как мы отметили выше, был использован Гумилевым, баллада “The Surgeon’s Warning” состоит из 42 строф, а не из 43: отсутствует та же строфа, что и в переводе.

зования дольника при переводе «Предостережения хирурга», по всей видимости, объясняется сознательной его ориентацией на традицию XIX в., хотя и становится нарушением его собственных правил.

Стихотворный размер Гумилев заимствует у Жуковского, но в самом тексте как будто намеренно избегает любых совпадений со «Старушкой». Схожее построение строк получается только в первой строфе:

The Raven croak'd as she sate at her meal,
And the Old Woman knew what he said,
And she grew pale at the Raven's tale,
And sicken'd and went to her bed
[Southey 1854: 270].

На кровле ворон дико прокричал:
Старушка слышит и бледнеет.
Понятно ей, что ворон тот сказал:
Слегла в постель, дрожит, хладеет
[Жуковский 2008: 50].

The Doctor whispered to the Nurse
And the Surgeon knew what he said,
And he grew pale at the Doctor's tale
And trembled in his sick bed
[Southey 1854: 275].

Сиделке доктор что-то прошептал,
Слова к хирургу долетели,
Он побледнел при докторских словах
И задрожал в своей постели
[Саути 1922: 9].

Первая строка перевода Гумилева повторяет соответствующий фрагмент у Жуковского, но в дальнейшем редкие схождения случаются только на примере отдельных слов:

Now fetch me my children, and fetch them
with speed,
The Old Woman of Berkeley said,
The monk my son, and my daughter the nun
Bid them hasten or I shall be dead
[Southey 1854: 270].

И вопит скорбно: «Где мой сын-чернец?
Ему сказать мне слово дайте;
Увы! я гибну; близок мой конец;
Скорей, скорей! не опоздайте!»
[Жуковский 2008: 50].

Now fetch me my brethren and fetch
them with speed
The Surgeon affrighted said,
The Parson and the Undertaker,
Let them hasten or I shall be dead
[Southey 1854: 275].

— Ах, братьев приведите мне моих, —
Хирург заговорил, тоскуя, —
Священника ко мне с гробовщиком
Скорей, пока еще живу я.
[Саути 1922: 9].

Более точным переводом фразы “bid (let) them hasten” стало бы «поторопите их», но Гумилев выбирает вариант Жуковского: «Скорей».

Интересным случаем представляется описание героями Саути своей посмертной судьбы:

And I who have rifled the dead man's grave
Shall never have rest in my own [Southey 1854: 271].

И я, смутив чужих гробов покой,
В своем не успокоюсь гробе
[Жуковский 2008: 51].

Я, разорявший дома мертвецов,
Не успокоюсь на погосте.
[Саути 1922: 10].

Это редкий пример, когда Гумилев отходит от подлинника дальше, чем Жуковский, который очень точно перевел эту строфу и использовал нейтральную лексику, в отличие от более возвышенной — Гумилева.

Гумилев заимствует формулировки не только у Жуковского.

The Old Woman of Berkeley laid her down
(The Surgeon laid him down in his bed)
And her (His) eyes grew deadly dim,
Short came her breath and the struggle of death
Did loosen every limb [Southey 1854: 272; 277].

И глас ее быть слышен перестал;
Померкши очи закатились;
Последний вздох в груди затрепетал;
Уста, охолодев, раскрылись

[Жуковский 2008: 52].

И доктор уложил его в кровать,
Его глаза застыли в муке,
Вздох стал коротким; смертная борьба
Ужасно искривила руки

[Саути 1922: 12].

В акценте Гумилева на движение рук в предсмертной агонии (вместо обобщенного названия рук и ног у Саути — “limb”) можно увидеть автоцитату из его раннего стихотворения «Самоубийство» (1907): И незримый бисер руки, / Задрожав, перебирают [Гумилев 1998: 137]. Жуковский с самого начала усиливает краски подлинника, использует более экспрессивную лексику, в то время как Гумилев следует за оригиналом. Однако ориентация его в отдельных фрагментах на перевод «Старушки» Жуковского, может быть, не вполне осознанная им самим, кажется нам довольно важной.

Высказывания Гумилева, передающие его субъективное отношение к творчеству Жуковского, не сохранились, и потому нам приходится опираться только на его произведения и воспоминания его современников, субъективные и не вполне надежные, как любые эго-документы. Верить Н. К. Чуковскому, утверждавшему, что поэт «Жуковского, А. К. Толстого и Некрасова терпеть не мог» [Чуковский 2005: 48], можно ровно настолько, насколько Чуковскому-старшему, вспоминая, что Гумилев «целыми ночами работал над переводами своего любимого Саути» [Чуковский 2012: 449]. Несомненным, впрочем, представляется, что имена английского поэта-лауреата и первого его переводчика на русский язык для Гумилева были неразрывно связаны. Мы полагаем, что выбор баллад для посвященного Саути сборника был обусловлен именно влиянием Жуковского, много сделавшего для популяризации этого жанра. Разумеется, Гумилев видел некоторую тематическую ограниченность выбранных Жуковским текстов и потому расширил круг этих тем за счет нехарактерных для последнего текстов Саути, усилив тем самым казавшуюся ему важной в творчестве английского поэта «народную» составляющую и добившись поставленной во вступительной статье задачи — составления максимально полного его образа.

Источники

- Гумилев 1991 — Гумилев Н. С. [Переводы стихотворные]. В кн.: Гумилев Н. С. *Сочинения*: в 3 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 3. С. 28–33.
- Гумилев 1998–2007 — Гумилев Н. С. *Полное собрание сочинений*: в 10 т. Скотов Н. Н. (гл. ред.). М.: Воскресенье, 1998–2007. Т. 1, 7.
- Жуковский 1960 — Жуковский В. А. *Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 4. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 783 с.
- Жуковский 2008 — Жуковский В. А. *Полное собрание сочинений и писем*: в 20 т. Т. 3: *Баллады*. М.: Языки славянских культур, 2008. 452 с.
- Маколей 1865 — Маколей Т. Б. *Полное собрание сочинений*. Тиблен Н. Л., Думшин Г. Д. (ред.). СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1865. Т. 1. XXXII, 304 с.

- Миллер 1872 — Миллер Ф. Б. *Стихотворения Ф. Б. Миллера*. Т. 1. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1872. 340 с.
Переводы — Гумилев Н. С. «Робин Гуд и Гай Гисборн». *Перевод народной баллады с английского языка*. РГАЛИ. Ф. 147 (Н. С. Гумилев). Оп. 1. Ед. хр. 34.
- План — Гумилев Н. С. *План сборника рассказов и стихотворений*. РГАЛИ. Ф. 147 (Н. С. Гумилев). Оп. 1. Ед. хр. 37.
- Поэты 1875 — *Английские поэты в биографиях и образцах*. Гербель Н. В. (сост.). СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1875. XXXII, 448 с.
- Рецензия 1922 — Лернер Н. О. [Рец.:] Роберт Саути. Баллады. Пг., 1922. *Книга и революция*. 1922, 9/10: 71–72.
- Саути 1922 — Саути Р. *Баллады*. Переводы под редакцией и с предисловием Н. Гумилева. Пг.: Госизд-во, 1922. 110 с.
- Чуковский 2012–2013 — Чуковский К. И. *Собрание сочинений*: в 15 т. Чуковская Е. Ц. (ред.). 2-е изд., испр. М.: ФТМ, 2013. Т. 5, 11.
- Southey 1854 — Southey R. *Joan of Arc and Minor Poems by Robert Southey*. London: Routledge, 1854. 469 p.

Литература

- Брандес 1893 — Брандес Г. *Главные течения литературы девятнадцатого столетия. Лекции, читанные в Копенгагенском университете Г. Брандесом*. Ч. 4: Английская литература. М.: Кн. маг. Ф. А. Богданова, 1893. 383 с.
- Витковский 2006 — Витковский Е. В. «Не иначе здесь дьявол замешан!» В кн.: Саути Р. *Баллады*. Витковский Е. В. (ред.). М.: Радуга, 2006. С. 533–547.
- Гаспаров 1997 — Гаспаров М. Л. *Избранные труды*: в 4 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 3. *О стихе*. 603 с.
- Горький 1939 — Горький М. *История русской литературы*. Ладыжников И. П., Юнович М. М. (ред.). М.: Гослитиздат, 1939. 340 с.
- Жаткин, Рябова 2007 — Жаткин Д. Н., Рябова А. А. Творчество поэтов «Озерной школы» в интерпретации Н. С. Гумилева. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2007, 4: 74–81.
- Канон — *Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон*. Вдовин А., Лейбов Р. (ред.). Сер.: Acta Slavica Estonica. Труды по русской и славянской филологии. Тарту: Тартуский университет, 2013. 345 с.
- Костин 1984 — Костин В. М. В. А. Жуковский — читатель Р. Саути. В кн.: *Библиотека В. А. Жуковско-го в Томске*. Канунова Ф. З. (ред.). Томск: Изд-во ТГУ, 1984. Ч. 2. С. 450–476.
- Лаццарин 2012 — Лаццарин Ф. Н. С. Гумилев — переводчик и редактор французской поэзии во «Всемирной литературе». *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 2012, 3: 163–178.
- Лукницкий 2010 — Лукницкий П. Н. *Труды и дни Н. С. Гумилева*. СПб.: Наука, 2010. 891 с.
- Немзер 1987 — Немзер А. С. «Сии чудесные виденья...»: Время и баллады В. А. Жуковского. В кн.: Зорин А. Л., Немзер А. С., Зубков Н. Н. «Свой подвиг свершив...» Сер.: Судьбы книг. М.: Книга, 1987. С. 155–264.
- Переписка 1994 — Примочкина Н. Н., Чуковская Е. Ц. (ред.). Переписка М. Горького с К. И. Чуковским. В кн.: *Неизвестный Горький. (К 125-летию со дня рождения)*. М.: Наследие, 1994. С. 97–132.
- Подольская 1998 — Подольская Г. Г. *Баллады Роберта Саути в контексте русской литературы XIX — первой четверти XX вв.* Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 1998. 231 с.
- Филичева 2017 — Филичева В. В. К реконструкции и описанию библиотек Ф. Сологуба и Н. С. Гумилева. В кн.: *Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма): коллективная монография*. Грякалова Н. Ю. (ред.). СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2017. С. 405–450.
- Чуковский 2005 — Чуковский Н. К. *О том, что видел*. Никитина Е. Н. (ред.). М.: Молодая гвардия, 2005. 686 с.
- Curry 1948 — Curry K. The Contributors to “The Annual Anthology”. *The Papers of the Bibliographical Society of America*. 1948, 42 (1): 50–65.

- Ober, Ober 1965 — Ober K. H., Ober W. U. Žukovskij's Early Translations of the Ballads of Robert Southey. *The Slavic and East European Journal*. 1965, 9 (2): 181–190.
- Ober, Ober 1974 — Ober K. H., Ober W. U. Žukovskij and Southey's Ballads: The Translator as Rival. *The Wordsworth Circle*. 1974, 5 (2): 76–88.
- Tarlinskaja 1995 — Tarlinskaja M. Beyond “Loose Lamb” — The Form and Themes of the English “Dolnik”. *Poetics Today*. 1995, 16 (3): 493–522.

Статья поступила в редакцию 28 августа 2017 г.

Статья рекомендована в печать 17 января 2018 г.

Elizaveta Dmitrievna Timofeeva

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russia
elizaveta084@gmail.com

N. S. Gumilev as a translator and an editor of “Robert Sothey. Ballads” of the publishing house “Vsemirnaya literature”

For citation: Timofeeva E. D. [N. S. Gumilev as a translator and an editor of “Robert Sothey. Ballads” of the publishing house “Vsemirnaya literature”]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (1): 141–155. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.111> (In Russian)

The paper analyzes the collection of Robert Southey's poetry (“Robert Southey. Ballads”) that was published in 1922 in “Vsemirnaya literatura” publishing house under the editorship of N. Gumilev. The purpose of the publishing house was to produce collections of translations of the most famous literary works and to get Russian readers to acquaint with the world literature. Gumilev's “Ballads” of Southey has pursued the same goal but with the characteristic of the Russian tradition of this poet's reception. For the English public, Southey was mainly known as an author of historical epic poems, but in Russian literature he was more of a ballad master. This perception has made a lodgement thanks to the first and major translator of his poetry, V. A. Zhukovskiy whose favorite genre was a ballad. In the introduction to the collection of poems Gumilev has drawn attention to the importance of Zhukovskiy for the tradition of Russian Southey and has dedicated the whole book to this idea. Six ballads, the third part of all poems in the book are connected with Zhukovskiy: four of them were translated by him as individual poems and two more were included in a short hexametric novel “Two tales and one more” (“Mary, the maid of the Inn” and “Jaspar”). M. Gor'kiy didn't like the idea of including Zhukovskiy's translations in the book, but for Gumilev it was the question of high importance and he has struggled for it. His choice of the only ballad for his own translation also prove this concept: he has chosen “The Surgeon's Warning”, Southey's self-parody for one of his most noted poem in Russia thanks to Zhukovskiy's translation.

Keywords: N. Gumilev, English romanticism, international literary connections, artistic translation, literary tradition, comparative studies, *Vsemirnaya literatura* publishing house.

References

- Брандес 1893 — Brandes G. *Glavnye techeniia literatury deviatnadsatogo stoletii. Lektsii, chitannye v Kopenhagenskom Universitete G. Brandesom* [The main currents of the literature of the nineteenth century. Lectures read at the University of Copenhagen by G. Brandes]. Part 4. Moscow: Bookstore F. A. Bogdanov, 1893. 383 p. (In Russian)
- Витковский 2006 — [“There must be some deuce behind it”]. In: Southey R. *Ballady*. Vitkovskii E. V. (ed.). Moscow: Raduga Publ., 2006. P. 533–547. (In Russian)

- Гаспаров 1997 — Gasparov M. L. [Selected works in 4 vol.]. In 4 vols. Moscow: Russian culture languages, 1997. Vol. 3. *O stikhe*. 603 p. (In Russian)
- Горький 1939 — Gorky M. *Istoriia russkoi literatury* [History of Russian literature]. Ladyzhnikov I. P., Iunovich M. M. (eds.). Moscow: Goslitizdat, 1939. 340 p. (In Russian)
- Жаткин, Рябова 2007 — Zhatkin D. N., Riabova A. A. [Creativity of the poets of the Lake School in the interpretation of N. S. Gumilev]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 2007, 4: 74–81. (In Russian)
- Канон — *Khrestomatiinye teksty: russkaia pedagogicheskaiia praktika XIX v. i poeticheskii kanon* [Textbooks: Russian teaching practice of the XIX century and poetic canon]. Vdovin A., Leibov R. (eds.). Series: Acta Slavica Estonica. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Tartu: University of Tartu Press, 2013. 345 p. (In Russian)
- Костин 1984 — [V. A. Zhukovsky — R. Southey reader]. In: *Biblioteka V. A. Zhukovskogo v Tomske*. Kanunova F. Z. (ed.). Tomsk: Tomsk State University Press, 1984. Part. 2. P. 450–476. (In Russian)
- Лаццарин 2012 — Latstarsin F. N. [N. S. Gumilyov — translator and editor of French poetry in the World Literature]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2012, 3: 163–178. (In Russian)
- Лукницкий 2010 — Luknitskii P. N. *Trudy i dni N. S. Gumileva* [Works and days N. S. Gumilyov]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 891 p. (In Russian)
- Немзер 1987 — Nemzer A. S. [“These wonderful visions...”: Time and ballads V. A. Zhukovsky]. In: Zorin A. L., Nemzer A. S., Zubkov N. N. «*Svoi podvig svershiv...*» Series: Sud’by knig. Moscow: Kniga Publ., 1987. P. 155–264. (In Russian)
- Переписка — Primochkina N. N., Chukovskaia E. C. (eds.). [Correspondence of M. Gorky with K. I. Chukovsky]. In: *Neizvestnyi Gor’kii. (K 125-letiiu so dnia rozhdeniia)*. Moscow: Nasledie Publ., 1994. P. 97–132. (In Russian)
- Подольская 1998 — Podol’skaia G. G. *Ballady Roberta Sauti v kontekste russkoi literatury XIX — pervoi chetverti XX vv.* [Robert Southey’s ballads at the context of Russian literature of 19th — 1st quarter of 20th century]. Astrahan: Astrakhan State Pedagogical University Press, 1998. 231 p. (In Russian)
- Филичева 2017 — Filicheva V. V. [Materials about the library of N. S. Gumilyov in the Pushkin House collection]. In: *Chto i kak chitali russkie klassiki? (Ot kruga chteniia k strategiiam pis’ma): Kollektivnaia monografiia*. Griakalova N. Iu. (ed.). St. Petersburg: Pushkinskii dom Publ., 2017. P. 405–450. (In Russian)
- Чуковский 2005 — Chukovskii N. K. *O tom, chto videl* [About what I saw]. Nikitina E. N. (ed.). Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2005. 686 p. (In Russian)
- Curry 1948 — Curry K. The Contributors to “The Annual Anthology”. *The Papers of the Bibliographical Society of America*. 1948, 42 (1): 50–65.
- Ober, Ober 1965 — Ober K. H., Ober W. U. Žukovskij’s Early Translations of the Ballads of Robert Southey. *The Slavic and East European Journal*. 1965, 9 (2): 181–190.
- Ober, Ober 1974 — Ober K. H., Ober W. U. Žukovskij and Southey’s Ballads: The Translator as Rival. *The Wordsworth Circle*. 1974, 5 (2): 76–88.
- Tarlinskaja 1995 — Tarlinskaja M. Beyond “Loose Lamb” — The Form and Themes of the English “Dolnik”. *Poetics Today*. 1995, 16 (3): 493–522.

Received: August 28, 2017

Accepted: January 17, 2018